Вси пришли на лествицу до небесна града,
Мария же взирала на Господа рада.[7]

В поэме Буслаева, как и вообще в поэзии барокко, движение с земли на небо есть истинное содержание, смысл и цель человеческого бытия.

В одах Ломоносова ***небо*** выполняет функцию верхнего яруса, с которого особая категория одических персонажей наблюдает земные дела и события. Расположение персонажей по вертикали земля—небо становится у Ломоносова важным композиционным приемом оды, ее важнейшей конструктивной скрепой. Происхождение этого приема ломоносовской оды, как нам представляется, проясняется из той же оды 1742 г., в которой, как мы видели, присутствует «дух Петров». В ней среди небесных персонажей появляется и сам Бог, который именуется здесь «Ветхий деньми». В этой оде он не только руководит Елизаветой Петровной в ходе осуществляемого ею государственного переворота, но вмешивается в военные действия со шведами и произносит один большой монолог и несколько реплик. Личное вмешательство небесных сил в земное действие оды и их размещение на вертикали земля—небо восходит, как нам представляется, к структуре и театральной технике школьной драмы, хорошо знакомой Ломоносову, выученику Московской славяно-греко-латинской академии.

Как известно, сцена для представления школьных драм делилась по вертикали на три уровня. Над основной сценической плоскостью, где происходили земные действия, находилось небо, на котором помещался Бог, святые, ангелы и т. д. Внизу, под сценой, помещался ад, куда за свои преступления низвергались грешники и злодеи. В. П. Адрианова-Перетц так описывает сценическую конструкцию школьного театра: «На небе выступают фигуры, олицетворяющие божественные силы и свойства, здесь поют хоры ангелов, сюда несут душу умершего праведника, здесь происходит суд над душой, наконец, отсюда спускаются на землю ангелы и добродетели или чудесным гласом вмешиваются в мирские события. Небо соединяется с землею ступенями, по которым нисходят на землю и возвращаются обратно небожители <...> Часть сцены была отгорожена для ада. Иногда он изображался аллегорически (змей, испускающий дым), но чаще это была огромная пасть, наполненная декоративным пламенем, в котором наказывали грешников».[8] В драме «Ужасная измена сластолюбивого жития» (1701) из репертуара Московской славяно-

---

[7] Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 298. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

[8] *Адрианова-Перетц В. П.* Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст. // Старинный спектакль в России. Сб. статей. Л., 1928. С. 23—25.